

ОПАЛЕННАЯ ЮНОСТЬ

Вчера еще школьницы, полные надежд и мечтаний, а завтра уже война. Героиням книги «Юность, опаленная войной», книги воспоминаний тольяттинков – участниц Великой Отечественной войны, в те грозные годы было всего по 16–19 лет.

Это удивительная книга. В ней практически нет названий фронтов, дивизий, дат. В ней откровенные рассказы о том, как это было. Без прикрас, от первого лица.

О том, как она создавалась, как приходили авторы к бывшим фронтовикам в гости, долгими часами слушали их и плакали вместе с ними, рассказывает директор проекта Галина Павлухина.

– Галина Михайловна, где вы брали адреса? Как искали своих героинь?

– Обратились во все районные советы ветеранов. В октябре-ноябре 2009-го составили списки и начали знакомиться. Совершенно случайно в результате у нас получилось ровно 100 очерков: кто-то тяжело болел и записать воспоминания не удалось, кто-то уже умер. Многие из наших героинь сейчас живут одиноко, и некоторые из них отнеслись к нашей затее настороженно, в буквальном смысле слова боялись пускаться в свои квартиры. Боялись рассказывать. Некоторых трудно было разговорить. Не только потому, что прошло много лет и они чего-то не помнят. Нет, просто возвращаться даже мысленно в те годы, заново переживать какие-то эмоционально сильные вещи очень тяжело. Дойдут в рассказе до такого места – плачут. И мы вместе с ними. Придешь домой со встречи, диктофон включаешь – и снова не можешь удержаться от слез...

– Какие эпизоды зацепили более всего?

– В таком журнале, как наш («Деловая дама»), мы в основном

имеем дело с женщинами успешными, уверенными в себе, а тут погрузились в совершенно иной мир, иное время. Поражаешься тому поколению, насколько оно жило трудно, да и вообще они были другими. Многие росли в бедных селах, в многодетных семьях. Не в каждом селе была школа, и, чтобы учиться, кто-то по десять-двенадцать километров ходил каждый день в соседние районные центры. Одна из наших героинь в 13 лет осталась без матери. Отец – военный хирург. И вот эта девушка лет с четырнадцати начала работать санитаркой. Не только раненых перевязывала, часто здоровенных мужиков, выносила за ними судна, кормила, мыла, но еще и жила активно: в комсомол вступила, газету делала, с медалью школу закончила. Многие рассказывали, как в свои 17–18 попали на фронт: сами просились, некоторые приписывали себе года.

Другая героиня в 42-м закончила 10 классов – и всему классу пришли повестки. После войны попытались собраться – осталось в живых только четверо...

Очень впечатлила меня и история с подпольным госпиталем. Около села потерпел крушение санитарный поезд, который вез человек сорок тяжелораненых офицеров и солдат. А на следующий день в село пришли немцы. Так вот ночью местные жители перетаскали раненых в кладбищенскую сторожку и четыре месяца прятали: никто не выдал. Три женщины-санитарки и фельдшер оставались все время с ранеными. Многих тогда спасли, хотя можно представить, чего это стоило. История на этом не закончилась. Когда село освободили, сотрудникам НКВД показались странным все это и неправдоподобным, и за женщин взяли проверяющие органы.

Есть у нас в книге и воспоминания женщины, прошедшей оккупацию. Очень тяжелые. Она вспоминает, как ее за 8 марок купили. В 44-м ей удалось бежать, и на границе с Чехией поймали. Приняли за разведчицу, пытали гестаповцы.

– Как они сейчас живут, ваши героини?

– Всем им сейчас по 85–90 лет. Некоторые плохо двигаются и почти не выходят из дома. Два раза в неделю к ним приходит соцработник, соседка какая-нибудь сердобольная в магазин для них сбегает. Пенсии неплохие, а вот общения не хватает. Позво-нишь, предупредишь о приходе – и видишь, как нетерпеливо тебя у окошечка или с балкона поджидают. И такое одиночество в глазах. Никто, конечно, не жалуется, но это очень заметно. Некоторые после войны вышли замуж, и у многих были хорошие браки. Например, Ольга Ивановна Жирова (очерк «Война соединила наши судьбы»). Работала мотористкой в авиационных частях. Он был летчик. И как-то сразу они понравились друг другу. Три года были рядом, но узнали о чувствах друг друга только когда война закончилась. 1 мая 1945 года он с ней танцевал на вечеринке в честь приближающейся победы и признался в чувствах. Судя по ее рассказам, прожили всю жизнь душа в душу. А сейчас она одна...

Другая наша героиня живет сегодня в пансионате для престарелых. Ее история в книге называется «Актриса с санитарной сумкой». Москвичка, училась хореографии, пела. Ездили с концертной бригадой по госпиталям – выступала. Пока кто-то не предложил: «А хотите войти во фронтовую бригаду?» Захотела, ей ведь «уже шестнадцать» к тому времени было. При штабах были созданы специальные бригады, которые воевали наравне со всеми, а после ожесточенных боев давали концерты. Иногда по 3–4 концерта в день. А потом снова расходились по своим ротам и взводам. Она любила танцевать, коронный номер был – «цыганочка». И был в дивизии разведчик, который тоже танцевал «цыганочку». С ним после войны и поженились. И после войны большие концертные программы вместе делали. Муж умер, а она продолжала работать. Сейчас говорит: «Разве я думала, что заканчивать жизнь буду в доме престарелых?» Вот такие судьбы на нас свалились. Удивительно, что спустя столько лет эти женщины все отчетливо помнят. Только одна наша героиня постоянно путалась. Неудивительно: она работала в санитарном поезде и за это время проехала столько, что все и не вспомнишь. Да еще если бомбежка, нужно о раненых думать, а не окрестности разглядывать. В одну такую бомбежку, рассказыва-ет, вместе с ранеными высыпали из вагонов. Бежит она и думает: «Что ж так солнце палит?» А оказалось, на ней платье горит и вокруг все кричат: «Падай на землю!»

– Каким тиражом вышла книга?

– К сожалению, небольшим, 500 экземпляров. Хотелось бы выпустить больше. Помогали многие, но финансовая сторона проекта все равно далась нам очень тяжело. Мы, конечно, подарили книгу самим героиням, передали несколько экземпляров в городской архив, передадим и в библиотеки, школы.

Виктория Лобода

ИЗ КНИГИ

«В зиму 1943 года около Брусая зимовали в затоне пароходы. Один из них, «Яков Свердлов», был предназначен для перевозки раненых из-под Сталинграда, и весной на этот пароход набиралась команда матросов. Я, бросив школу (хоть и осталось только сдать экзамены), обратилась с просьбой принять меня в «матросы». Причин было две. Я надеялась, что уж на государственной службе не умру от голода, так как там все-таки кормили немного, а дома на долю иждивенцев выделялось всего 150 граммов хлеба и больше ничего. Мне же приходилось не только учиться, но и каждую неделю ходить пешком из Жигулей в Брусая за этими 150 граммами. Я была такой худенькой, что меня ветром качало. Вторая причина – патристическая...»

«Отчетливо помню, как мы выходили из окружения под Ростовом – тяжелое, страшное испытание. Шли только ночами. У нас оставался небольшой запас продуктов: сухой паек в виде брикетов гречневой каши. Этим только и питались, пока не добрались до своих. С тех пор я никогда не ем гречневую кашу...»

«Однажды в часть приехал военный корреспондент и сделал снимок для боевой краснофлотской газеты. Я в форме, в лесу, у аппарата, с телефонной трубкой в руке.

Кто-то в момент съемки пошутил, и я улыбнулась. Вышел номер, меня срочно вызвали в штаб: «Война идет, а ты смеешься». В наказание мне не дали медаль «За отвагу», а дали «За боевые заслуги». Виною тому улыбка. Нельзя, сказали, не до смеха сейчас...»

«Если все из одного оцинкованного ведра, ложка за голенищем. Кухня не поспевала за нами – придет на лошади, а еда уже испортилась. Гречка – редко, а в основном пшено и перловка. Мы полушубков не видали, как сейчас показывают в кино. Шинель и фуфайка зимой. Месяцами немые. Увидим после дождя немного в колее воды, так скорее старались помыться. И ехали, ехали... Вот приехали, пушки отцепили, сразу окапывать оружие. Я же должна связь наладить. Один раз ребята протянули, да через кладбище. Связь после бомбежки оборвалась. А послать некого. Я немцев-то не так боюсь, как на кладбище страшно идти. Часовня открыта, дверь скрип-скрип. Пришлось ползти. Нашла порыв. Стала искать другой конец. Соединила. В аппарат сообщила. Но назад проползла другой – длинной дорогой...»

«Мы слышали переговоры наших летчиков во время воздушных боев, когда они кричали друг другу: «Петя, смотри, у тебя фриз на хвосте...», «Иван, я не смо-

гу подняться, лечу на скалы...», «Витка, все, прощай, браток!». Сквозь наушники до нас доносились разрывы снарядов и пулеметные очереди. Многих летчиков мы знали и понимали, что они чувствуют в эту минуту. Мы словно видели последние мгновения жизни наших ребят, но ничем не могли им помочь. И так каждый день. Неокрепшие девичьи души не выдерживали такого испытания, некоторые из нас попадали в медсанчасть с диагнозом «нервный срыв». Однажды такое случилось и со мной. Пять дней я пролежала в палате, потом меня перевели на маяк...»

«В наших местах в связи с началом войны еще не было резких изменений. Стояло лето, была жара, много фруктов. Все ходили в легких летних платьях. Мы пошли провожать отъезжающих родственников на вокзал, и там я первый раз увидела девушек в военной форме. Их было три, форма на всех сидела красиво, они были стройными и элегантными. И уж точно необычными. Вдруг я почувствовала горячее желание быть на них похожей. Что для этого надо? Наверное, записаться на войну, решила я...»

«28 июля 1943 года – мой первый день работы в госпитале. Слышим: «Сестрички! В перевязочную!» Мы все бросились туда. Стоят три стола. Медсестры

делают перевязки. За первым столом спиной ко мне сидит раненый, под плечом у него рана, другая чуть ниже к пояснице. Думаю: наверное, осколочное ранение. И тут замечаю, как что-то белое в ране шевелится. Ага, значит сестричка обрабатывает рану перекисью водорода. Присмотрелась. О боже! Это черви, клубок червей. Тут я и грохнулась. Девчонки меня подхватили и бросили на носилки, на которых только что раненых принесли. Идет начальник отделения и как закричит: «Это что такое? Встать!» Как встать? Голова кружится, меня тошнит, но слышу приказ: «Шагом марш в перевязочную!» Приказ есть приказ, шатаюсь, пошла...»

«Вот принесут шифровку, и ее срочно надо передать в 32 пункта. На каждый пункт дается две минуты. Вокруг идет бой, рвутся снаряды, режут «катюши», свистят пули. Ошибиться нельзя! При мне трех девушек телеграфисток расстреляли – они в спешке искали шифровку. Слушала в отделении одна цыганочка, ой, как она пела и плясала, всех веселила, но дрогнула однажды ее рука и вместо «2» простучала «3», другие координаты передала. Погибла целая эскадрилья. Поставили плясунью на край ямы. Стреляют, а она покачивается и стоит, стреляют – дернется и стоит. Не поверите, лишь после третьего выстрела она упала...»